

УДК 242
ББК 86.372-43
В 57

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р19-915-0585

Владимир (Иким), митрополит Омский и Таврический
В 57 Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга шестая: октябрь. — М.: Сибирская Благовонница, 2020. — 734, [2] с.

ISBN 978-5-00127-152-9

Книга «Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга шестая» представляет собой сборник из 27 богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира, посвященных памяти святых Вселенской Церкви и Русской Церкви, их Соборам, а также отдельным событиям, связанным с ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т.п.), охватывая месяц октябрь. В этих проповедях житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора. Книга предназначена для самого широкого православного читателя.

УДК 242
ББК 86.372-43

ISBN 978-5-00127-152-9

© Сибирская Благовонница, оформление, 2020
© Митрополит Владимир (Иким), текст, 2020

ОТ РЕДАКЦИИ

Издательство «Сибирская Благовонница» продолжает публикацию цикла богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима). Новая его часть называется «Слова в дни памяти особо чтимых святых». Эти Слова являются своего рода логичным продолжением серий «Вечное сокровище», «Врата покаяния» и «Сияние Пасхи», где толковались литургические Евангельские и Апостольские чтения на весь богослужебный год.

Традиционно многие церковные проповедники наряду с толкованием чтений из Священного Писания посвящали свои проповеди изложению житий святых угодников Божиих. Ибо, как писал преподобный Иоанн Дамаскин, «невозможно не праздновать памяти святых». Значение святых угодников Божиих, как замечает Дамаскин, в том, что на их крови «созидается Церковь», которая поэтому и прославляет «святых как друзей Божиих, противопоставивших греху до крови и изливанием ее за Христа подражавших Ему, ранее пролившему за них Свою собственную кровь... в жизни шедших по стопам Его», так что их жития становятся для всех последующих христиан своего рода живыми иконами, примерами богоугодной жизни, и «поэтому и смерть святых празднуется, и храмы им воздвигаются, и изображения начертываются».

И как пишет митрополит Владимир, «святые в народе Божиим играют роль совести».

По мысли митрополита Владимира, слова святых должны нас подвигать к подвигу, к делу работы над собой: «Слова святых нужно не только слушать, умиляясь их благодати и мудрости, — их нужно исполнять. Это не так трудно сделать, как кажется: ведь все эти советы были когда-то даны не великим подвижникам благочестия, а таким же людям, как и мы с вами, с точно такими же заботами, грехами и проблемами. Если они могли следовать советам преподобного старца — значит, сможем и мы. Конечно, не всегда это будет просто, иной раз придется и понудить себя — но ведь, по слову преподобного Амвросия, понуждение и побуждение себя к добру суть неотъемлемая часть жизни любого христианина!» (С. 599).

О жизни святых автор говорит просто, ярко и убедительно. Книга поможет осмысленно участвовать в богослужебной молитве избранному святому. Полезной окажется данная книга и для священников при составлении проповеди, и в целом, как надеется редакция, найдет своего самого широкого благодарного читателя.

Слово на обретение мощей
святителя Димитрия
Ростовского

(21 сентября / 4 октября)

Православия ревнителю и раскола искоренителю, Российский целбниче и новый к Богу молитвенниче, списаньми твоими буих уцеломудрил еси, цевнице духовная, Димитрие блаженне...

Тропарь святителю
Димитрию Ростовскому

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!
Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Православная Церковь празднует обретение честных мощей святителя Димитрия Ростовского — верного служителя Христова, защитника Православия, доброго пастыря, ревностного делателя на ниве Христовой.

Будущий святитель родился в 1651 году в Малороссии (как тогда называли Украину) в семье простого казака Саввы Туптало и во Святом Крещении

получил имя Даниил. Родители Даниила были незнатного происхождения и небогаты, но владели неоценимым сокровищем, неизмеримо более дорогим, чем все богатства этого мира: искренней христианской верой и благочестием. Особенно благочестива была мать, о которой святитель впоследствии отзывался в своих письмах и дневниках с величайшим почтением. Под мудрым руководством таких родителей и сын их вырос христианином; в сердце мальчика горела искренняя любовь к Богу, крепнувшая с каждым днем.

Будучи людьми простыми, родители Даниила тем не менее весьма уважали книжную ученость, науки, хотели, чтобы сын их вырос образованным человеком. Мальчик получил неплохое по тем временам домашнее образование, а по достижении одиннадцатилетнего возраста был отправлен в Киевское братское училище. Способный ученик вскоре обратил на себя внимание как преподавателей, так и одноклассников своими многочисленными талантами, соединенными с поразительным для его возраста трудолюбием. Повезло Даниилу и с учителями: это были не бездушные схоласты западного типа, какими, к несчастью, в те годы уже начинали заполняться духовные училища России и Малороссии, а люди, действительно любившие свой предмет и стремившиеся поделиться знаниями с учениками. Так, в числе преподавателей Киевского училища был знаменитый проповедник и полемический богослов Иоанникий Галятовский (1620–1688); под его руководством Даниил в совершенстве овладел различными приемами риторики, что впоследствии очень пригодилось ему как в пастырской деятельности, так и в борьбе с расколом.

Усердные занятия науками нисколько не повредили и благочестию юного Даниила. Мальчик по-прежнему прилежно изучал Священное Писание и творения святых отцов, в свободное время молился, любил бывать в храме на богослужениях. Очень нравилось Даниилу читать о подвигах древних подвижников веры; в душе его постепенно росло желание уподобиться этим великим мужам.

В 1665 году Киев перешел под власть римско-католической Польши, и многие православные церковные деятели, в том числе и преподаватели Киевского училища, вынуждены были покинуть город и искать убежища в областях, остававшихся в русском подданстве. Возвратился в отчий дом и Даниил. К этому времени он уже окончательно решил для себя, что станет монахом; поэтому, прожив некоторое время с родителями, юноша стал просить их отпустить его в монастырь. Благочестивые родители, убедившись, что намерение сына — не юношеская романтическая прихоть, а обдуманное решение, дали ему свое благословение, и Даниил поступил послушником в киевский Кирилловский монастырь, где настоятелем был один из его учителей, бывший ректор Киевского училища игумен Мелетий Дзик. Хорошо зная своего бывшего ученика и духовного сына, отец Мелетий не стал испытывать его слишком долго; спустя год послушничества Даниил был пострижен в монашество с именем Димитрий, а еще через год рукоположен в сан иеродиакона.

Молодой иеродиакон с великим усердием подвизался на иноческом поприще. Священный сан отнюдь не заставил его возгордиться; он со смирением исполнял все монастырские послушания, приходил

в монастырский храм на службы первым и уходил последним, много молился и, по слову Священного Писания, «всем был слугой». Не оставлял Димитрий и научных занятий: по поручению игумена он сочинял в своей келье душеполезные тексты, изучал Писание и святоотеческое богословие. По сути, его обучение продолжалось под руководством все того же преподавателя — ректора училища, которое им обоим — и учителю, и ученику — пришлось покинуть не по своей воле.

Так прошло несколько лет. Иеродиакон Димитрий достиг больших успехов как в богословских науках, так и в деле проповеди, и игумен Мелетий решил ходатайствовать о его рукоположении в сан священника, хотя Димитрию было всего двадцать четыре года. С этой целью игумен представил своего ученика архиепископу Черниговскому Лазарю (Барановичу; 1616–1693).

Поговорив с молодым иеродиаконом, владыка был весьма впечатлен его духовными, проповедническими и научными дарованиями. Рукоположив Димитрия в священнический сан, архиепископ Лазарь пригласил его на должность проповедника при Черниговском соборе.

Более двух лет проповедовал иеромонах Димитрий в этом соборе и других храмах Черниговской епархии. Повсюду разнеслась о нем слава как о замечательном проповеднике, который своими искусными словесами зажигает в сердцах слушателей стремление служить Богу и, что самое главное, не только лишь устами произносит эти красивые и правильные слова, но и сам живет так, как учит других. Личное благочестие отца Димитрия было для его прихожан не меньшим примером, чем его искусно составленные и произнесенные проповеди.

Когда Киев и прилегающие к нему области были освобождены от поляков, Димитрий вернулся в край своей юности по приглашению гетмана Самойловича и поселился в Николаевском Крупицком монастыре, где продолжал ревностно подвизаться в посте, молитве, непрерывном чтении душеполезных книг и проповеди слова Божия. Так благочестивый иеромонах надеялся провести всю свою жизнь, работая Богу в тишине и безмолвии; но, по слову Господню, *не может укрыться город, стоящий на вершине горы* (Мф. 5, 14), — поэтому и столь талантливый учитель благочестия не мог, конечно, укрыться от глаз нуждающейся в наставлении паствы.

Димитрий неоднократно получал приглашения от различных монастырей принять на себя игуменство, но неизменно отказывался, считая себя недостойным. Однако по благословению священноначалия ему все же пришлось принять на себя этот нелегкий подвиг, и в течение нескольких лет будущий святитель нес игуменское послушание в различных монастырях Малороссии. Настоятельством он весьма успешно, талантливо организуя как повседневную, так и духовную жизнь братии и подавая насельникам пример смирения и подвижничества. В конце концов, Димитрий все же сложил с себя игуменство и вновь перешел в разряд простых монахов, так как всей душой жаждал тихого и безмолвного жития, чтобы беспрепятственно предаться богомыслию, молитве и другим богоугодным занятиям, чему препятствовали многочисленные заботы игумена. Этот поступок оказался промыслительным, так как именно в это время Господь сподобил Димитрия приступить к одному из величайших дел своей жизни — работе над первым в истории

русского Православия полным четырехтомным сборником житий святых на каждый день месяца, так называемыми Четьями-Минеями.

В 1684 году архимандритом Киево-Печерской Лавры был назначен Варлаам (Ясинский; 1627–1707), человек дальновидный и талантливый, давно уже размышлявший о составлении сборника житий святых для назидания народа, чьи познания в православном вероучении немало пострадали за время неоднократных завоеваний Малороссии иноверцами. Конечно, для столь великого, важного и нелегкого труда необходимо было найти достойного человека. Архимандрит Варлаам после долгих поисков остановил свое внимание на святом Димитрии, который уже прославился своею ревностью к душеспасительным трудам. Выбор этот был единодушно одобрен всеми киевскими клириками и братией Лавры. Варлаам обратился к Димитрию с просьбой переселиться в Киевскую Лавру и принять на себя труд исправления и составления житий святых. Поначалу смиренный иеромонах отказывался, полагая себя недостойным и недостаточно способным к такому великому делу; но затем, не желая проявить не приличествующего монаху своеволия, согласился взяться за нелегкое послушание. Так начался труд, продолжавшийся почти до самой кончины подвижника.

Святитель Димитрий оставил нам немало душеполезных сочинений и проповедей, но знаменитые Четьи-Минеи стоит, бесспорно, признать главным трудом его жизни. Понимая, как и архимандрит Варлаам, что наиболее действенное орудие духовного просвещения и наставления в христианских добродетелях — не слова только, но и добрый пример

жизни, святитель Димитрий стремился дать православному русскому народу как можно больше таких славных примеров для назидания. В течение двадцати лет он вместе с несколькими помощниками неустанно трудился над составлением сборника, пользуясь при изложении житий множеством различных источников: так называемыми Макарьевскими Минейями, рукописью Симеона Метафраста, доставленной ему с Афона, русскими прологами, патериками и различными западными агиографическими сборниками. При этом, понимая, что имеющиеся у него материалы имели разную степень достоверности и соответствия православному вероучению, святитель старался очистить их от еретических утверждений и недостоверных фактов.

Значение Четьих-Миней для российского просвещения и русской культуры в целом трудно переоценить. Спустя века после кончины их святого составителя сборник читали и перечитывали и в дворянских домах, и в семьях духовенства, и в купеческих хоромах, и в крестьянских избах — и не только читали, но и пересказывали, так что и неграмотные приобщались к великому творению святителя, получая духовное назидание. Вот что, например, говорит о Четьих-Минейях Ф.М. Достоевский, хорошо знавший современную ему российскую жизнь во всех слоях населения: «По всей земле русской... распространен дух Четьи-Миней... потому что есть чрезвычайно много рассказчиков и рассказиц о житиях святых. Рассказывают они из Четьи-Миней прекрасно, точно, не вставляя ни единого лишнего слова от себя, и их заслушивают... Я сам в детстве слышал такие рассказы... Слышал я потом эти рассказы даже в острогах у разбойников,

и разбойники слушали и вздыхали... В этих рассказах заключается для русского народа... нечто покаянное и очистительное. Даже худые, дрянные люди получали нередко странное, неудержимое желание идти странствовать, очиститься трудом, подвигом...»

Одновременно Четьи-Минеи святителя Димитрия являются прекрасным образчиком высокого литературного языка и стиля своей эпохи. Такой замечательный мастер русского слова, как Александр Сергеевич Пушкин, восхищался этим произведением и черпал в нем вдохновение для собственного творчества. «Четья-Минея Святого Димитрия, — писал Пушкин, — представляет собою неистощимую сокровищницу вдохновенного художника. Это книга вечно живая, бессмертная».

Так святитель Димитрий и после своей блаженной кончины продолжал наставлять православный народ — и продолжает наставлять по сей день.

Принявшись за свой великий труд, Димитрий полагал, что теперь посвятит всю свою жизнь исключительно этому душеполезному занятию. Но люди, весьма почитавшие подвижника-проповедника и жаждавшие его наставлений и духовного руководства, не желали оставить его в покое. Вскоре после выхода в свет первой книги Четьих-Миней Димитрий по благословению священноначалия снова вынужден был приняться за игуменские труды и в течение следующих нескольких лет настоятельствовавал в различных обителях. Одновременно он не оставлял своих ученых занятий; продолжали выходить новые книги сборника. А впереди смиренного игумена ждало еще более ответственное — святительское служение.

В 1700 году император Петр I (1672–1725), заботясь о должном духовном управлении в отдаленных областях своих обширных владений, поручил митрополиту Киевскому Варлааму «поискать из архимандритов или игуменов, или других иноков, доброго, и ученого, и благодетельного жития, которому бы в Тобольске быть митрополитом, и мог бы Божиею милостию проповедовать в Китае и в Сибири, в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в познание и служение и поклонение истиннаго Живаго Бога».

Митрополит Варлаам без колебаний указал на достойнейшего кандидата в своей епархии — архимандрита Димитрия. В 1701 году отец Димитрий был вызван в Москву и после беседы с императором, на которого произвел весьма благоприятное впечатление, был рукоположен в епископский сан с повелением отбыть в Тобольск. Но неожиданно явилось препятствие: святитель Димитрий, будучи с юности некрепкого здоровья, от многодневного путешествия и волнений, связанных с царской аудиенцией и рукоположением, слег в постель. Стало очевидно, что суровый сибирский климат может пагубно сказаться на его здоровье и без всякой пользы погубить талантливого ученого и проповедника. Император, человек разумный и практичный, повелел подыскать для Тобольской кафедры другого кандидата; святитель же Димитрий, обласканный государем, вскоре получил назначение на овдовевшую кафедру старинного и славного русского города Ростова Великого.

Во всех этих событиях нельзя не усмотреть Промысла Божия. Ведь если бы даже святитель Димитрий благополучно вынес сибирский климат, проживание

в далекой, совершенно еще не обжитой Сибири, вдали от всяческой учености, от библиотек пагубно сказалось бы на его работе над Четьями-Минеями. Вполне возможно, что он попросту не смог бы продолжать свой труд... В Ростове же связь святителя Димитрия с научной жизнью страны нисколько не прерывалась, к тому же он получил доступ к древним рукописям, хранившимся в богатых монастырских библиотеках этого старинного города. Проповеднический же и пастырский талант святителя был, как мы вскоре увидим, не менее необходим в православном Ростове, чем в диких языческих краях.

По прибытии на кафедру, совершив в Успенском кафедральном соборе свою первую в этом городе Божественную литургию, святитель Димитрий обратился к своей новой пастве с красноречивым и трогательным словом.

«Пришел я к вам с любовью, — говорил святитель. — Сказал бы, что пришел, как отец к чадам, но лучше так скажу: пришел, как брат к братии, как друг к дорогим друзьям, ибо и Господь Христос не стыдится называть вас братией. *Вы друзья мои*, — говорит Он, — *Я уже не называю вас рабами, но Я назвал вас друзьями* (Ин. 15, 14–15). Но еще более дивно и многочестно то, что Он любимых Своих называет даже отцами Своими: *Кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать* (Мф. 12, 50).

Итак, и вы, любезные мои, являетесь для меня и отцами, и братьями, и друзьями. Если же и вы отцом меня назовете, то я по-апостольски отвечу вам: *Дети мои, для которых я снова в муках рождения, доколе не изобразится в вас Христос* (Гал. 4, 19)!»

И слова святителя не расходились с делом. Он действительно приступил к своим архипастырским обязанностям не как наемник, но как любящий отец, брат и друг, неустанно заботясь не о собственной славе и обогащении, но о благе своей паствы, о ее духовном просвещении, о должном устройении ее жизни во всех смыслах этого слова. А труды ростовскому архиерею на этом поприще предстояли весьма нелегкие.

Жители Ростова и Ярославля к тому времени уже давно были православными; однако образ жизни многих из них — как мирян, так и монашества и духовенства — был весьма далек от христианского идеала. Немало пришлось святителю Димитрию потрудиться в борьбе с различными пороками, особенно с пьянством, блудом и обрядоверием, когда люди приходили в храм и участвовали в Таинствах лишь формально, нанося тем самым своей душе большой вред.

«Увы окаянному времени нашему, — говорил святой Димитрий в одном из своих поучений, — ибо в пренебрежении находится доброе семя, весьма оставлено слово Божие и не вем, кого прежде нужно винить: сеятелей или землю, иереев ли или сердца человеческие или обоих вместе? Все впали в непотребство, несть творящего благостыню, несть ни единого. Сеятель не сеет, а земля не приемлет; иереи небрегут, а люди заблуждаются; иереи не учат, а люди упорствуют в невежестве; иереи слова Божия не проповедуют, а люди не слушают и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны».

Сам пастырь с многолетним опытом, святитель Димитрий понимал, что повысить духовный уровень народа невозможно, если прежде не восстановить благочестие в среде священников, пастырей,

чьей первейшей обязанностью является научать народ вере, служить примером жизни. Если же учитель сам не знает, чему учить, сам не исполняет и не умеет исполнить того, что должно, чего же можно ждать от его учеников?

А священство в Ростовской епархии пребывало в весьма тягостном состоянии, превратившись, по сути, из христианских пастырей в каких-то «жрецов», бездумно исполняющих непонятные им самим обряды и при этом предающихся разным порокам, да еще и превозносящихся при этом над «простолюдинами», открыто пользующихся своей властью над ними.

Примером полнейшего невежества и духовного упадка в среде духовенства может служить следующий вопиющий случай, с возмущением описанный самим святителем Димитрием.

«Приезжая в прошлом, 1702 году в город Ярославль, — пишет святитель, — случилось нам зайти в одном селе в церковь, где после обычной молитвы я, смиренный, хотел воздать обычную честь и поклонение Пречистым Христовым Таинам и потому спросил тамошнего иерея: “Где Животворящие Христовы Тайны?” Но тот иерей не понял моих слов и стоял молча, недоумевая, в чем дело. Тогда я еще спросил: “Где Тело Христово?” Но иерей и этого слова не мог понять. И только тогда, когда один из бывших со мной опытных иереев сказал ему: “Где запас?”, он взял из угла весьма гнусный сосудец и показал в нем небрежно хранимую святыню, на которую даже Ангелы взирают со страхом. Я был крайне огорчен в сердце своем тем, что в таком непочтении хранится Тело Христово и что иереи не знают даже и названия, достойного

и подобающего Пречистым Таинам. Удивись о том, небо, и земли ужаснитесь концы!

О окаянные иереи! Если вы сами не знаете Христа Бога, являющегося в Пречистых и Животворящих Его Таинах, если вы не имеете ни веры, ни любви к Нему и не воздаете Ему достодолжного почитания, то как вы можете простых людей научить истинному богопознанию? Горе вам, вожди слепые, водящие слепцов!»

Святитель Димитрий сурово обличал подобное недостойное поведение и другие пороки духовенства; при этом целью его обличений было не излить свое раздражение на подчиненных, но наставить их на путь исправления. Это были слова не гневного начальника, но отца, сурового и строгого, но любящего и справедливого.

«Дошло до нашего слуха, — говорит святитель Димитрий в одном из своих посланий к клиру, — что есть между вами иереи неискусные и злонравные, которые рассказывают и раскрывают грехи, исповеданные им духовными чадами. В случающихся беседах с людьми они, будучи пьяными, тщеславно хвастаются духовными детьми, рассказывая о том, кто ходит к ним на исповедь; если же они разгневаются за что-либо на духовных детей, то с укоризной поносят их, говоря: “Ты — мой духовный сын (или духовная дочь), разве не знаешь, что мне известны твои грехи? Вот я обличу тебя сейчас пред всеми”, и произносят прочие безумные слова.

Духовничество даровано иереям от Бога для того, чтобы послужить человеческому спасению, а не для тщеславия, гордости, суетного превозношения и излишнего властительства над духовными детьми. Если и дана от Бога иерею власть вязать и разрешать грехи,

то эта власть действует только в то самое время, в которое совершается Таинство Исповеди и покаяния, а после исповедания грехов духовник не должен вспоминать исповеданного, как и власти господственной над духовными детьми иметь не подобает...

Довольно с тебя того, что все приходящие в твою церковь люди знают тебя своим духовником. Для чего же тебе еще нужно хвалиться твоей духовностью? Какая похвала в омовении кого от болота? Какая честь в том, чтобы очищать чужой двор от гноя? Какая слава в том, чтобы отирать чей-либо кал? Ведь когда ты слушаешь грехи твоего духовного, которые он пред тобой исповедует Богу, когда ты, разбирая их властью иерейской, данной тебе от Бога, разрешаешь его, омываешь его от болота, очищаешь гной из его душевного двора и оттираешь кал от его совести, то какое тебе в этом тщеславие и гордость?»

Святитель неустанно подчеркивал, что лишь человек, сам живущий благочестиво, может быть достойным пастырем Церкви Христовой. Сам по себе факт рукоположения не означает еще достоинства пастыря — он должен подтверждать это своими делами. Немало характеризует пастыря и то, как он управляет своей собственной семьей — прежде всего духовной стороной ее жизни.

«А еще удивительнее, — пишет святитель в другом послании, — что многие иерейские жены и дети никогда же причащаются, что узнал я следующим путем: иерейские сыны приходят для поставления на место отцов своих, когда же спрашиваем их, давно ли они причащались, многие честно отвечают, что не помнят, когда причащались. О окаянные иереи, нерадеющие о своем доме! Как могут радеть о Святой

Церкви те, кто домашних своих ко Святому Причащению не приводит? Как может наставлять прихожан тот, кто не печется о спасении душ собственных домочадцев?»

Вообще, святитель Димитрий придавал огромное значение регулярному Причащению Святых Христовых Таин, подчеркивая, что без этого Таинства невозможно вести жизнь духовную, быть членом Тела Христова. Поучения эти как нельзя более актуальны и в наше время, когда, увы, нередко встречаешь православных людей, пренебрегающих великим Таинством Причастия якобы из смирения, по недостойнству, — как будто кто-то из нас может сказать о себе «я достоин Тела и Крови Христовых»! Причастие не награда за достоинство; это — лекарство, которое необходимо человеку тем больше, чем тяжелее страдает от грехов его душа. Пренебрежение лекарством ведет к гибели, а утверждения вроде «вот стану здоровым — тогда и приму лекарство» могут исходить только из уст безумца! Будем же слушать не свое собственное лжесмирение, а поучения великого пастыря — святого Димитрия Ростовского, всей жизнью своей засвидетельствовавшего истину своих слов и их согласие с учением Православной Церкви.

«Все иереи, — пишет святитель, — пусть повелевают своим женам причащаться Пречистых Божественных Таин Тела и Крови Христовых во все святые посты четыре раза в год, ибо иерей, часто совершающий литургию и причащающийся, но имеющий жену, никогда не причащающуюся, оскверняется от нее, как от неверной, безбожной, как от мертвого трупа, когда имеет с ней супружеское общение. Всякое лицо, не причащающееся часто Тела и Крови Христовых,

не будет иметь части со Христом, но вменится с неверными и безбожными и будет как мертвый труп, ибо Сам Господь говорит в Евангелии: *Если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни* (Ин. 6, 53).

Также и чад своих, и всех домашних иерей должен убеждать к частому Причащению Святых Таин, чтобы в иерейском доме не было никого чуждающегося Христа и враждебного Богу, ибо чуждающийся Святого Причащения чуждается Христа Бога, а чуждающийся Христа Бога — враг Ему. Кто хоть однажды не захочет быть со Христом Богом, тот принимает часть с сатаной и пребывает противником Богу. Кроме того, иерей и всех людей своей паствы должен побуждать к частому Причащению Святых Таин и всячески стараться привести их к этому, твердо помня, что всякий не причащающийся Христа не христианин, что все дела такого, даже и добрые ничто пред Богом и что таковой уже при жизни погиб. О погибели же всякой души иерею придется дать ответ в день Судный».

Конечно, прискорбное духовное состояние ростовско-ярославской паствы и духовенства было во многом плодом необразованности: уровень народного просвещения за прошедшие шесть веков после татаро-монгольского ига, междоусобиц, Смутного времени и других бедствий, не раз сотрясавших Русскую землю, сильно упал. Поэтому святитель Димитрий, сам человек высокообразованный, немедленно по прибытии на кафедру занялся приобщением вверенной ему паствы к сокровищнице христианского знания. Его трудами в Ростове и других городах и селах митрополии было основано множество

школ, где бесплатно или за символическую плату обучались дети всех сословий. Святитель часто сам посещал классы во время занятий, выслушивал учеников и испытывал их познания. Если по какой-либо причине — например, по болезни — учитель не мог провести занятий в школе, святитель Димитрий сам принимал на себя учительские обязанности. В свободное от своих обычных трудов время святитель собирал у себя в доме самых способных учеников и толковал им некоторые книги Ветхого Завета; в летнее же время, которое он обычно проводил в архиерейском селе Демьяны, архипастырь объяснял ученикам Новый Завет. Кроме того, святитель обязал священников лично заниматься воспитанием и образованием своих детей, обучая их грамоте, а также убеждал священнослужителей неослабно проповедовать Христово учение и словом, и, самое главное, собственной жизнью. Сам святитель Димитрий подавал им в этом достойный пример.

Кроме невежества прихожан, пришлось святителю столкнуться и с другим опасным врагом — старообрядческим расколом. В Ростовско-Ярославской епархии в те годы было множество раскольников, искавших в здешних краях укрытия от ненавистного им «никонианства» — то есть канонического Православия; их учителя скрывались в непроходимых Брынских лесах и оттуда вели проповедь, убеждая своих сторонников упорствовать в своем заблуждении, сворачивая на путь раскола православных христиан. Сами раскольники, с гордостью именуя себя «истинно православными христианами», пребывали в точно таком же невежестве, как и подавляющее большинство местной православной паствы, практиковали самые дикие обычаи

и суеверия, почти полностью утратив самый дух веры Христовой, дух Божественной любви. Почти никто из раскольников, будучи спрошен, не смог бы «дать отчета в своем уповании», внятно изложить, в чем же состоит христианское учение; при этом, утратив суть, раскольники всеми силами старались сохранить внешнюю оболочку Православия, видимость «благочестия», «благообразия»: старинного покроя одежду, строгие посты, длинные службы со скрупулезным исполнением всех, даже самых мелких обрядовых подробностей (хотя ни смысла этих обрядов, ни даже смысла молитв почти никто из них уже не понимал). Это внешнее благообразие старообрядцев, а также и их «простое мужицкое богословие» (состоящее из дичайшей смеси ересей и суеверий) привлекали к ним невежественных ростовчан. Ведь быть старообрядцем так просто: знай себе исполняй обряды и этим спасайся в своей «простоте», тогда как «никониане» призывают задумываться, трудиться над своей душой, а не только над подсчетом капель маслица в каше...

«Увы окаянным, последним временам нашим! — восклицает святитель в одном из своих посланий, посвященных борьбе с расколом. — Ныне Святая Церковь зело утеснена, умалена как от внешних гонителей, так и от внутренних раскольников, которые, по апостолу, *от нас изыдоша: но не беша от нас* (1 Ин. 2, 19). И уже настолько от раскола умалилась самая истинная Соборная Церковь Апостольская, что едва где истинного сына Церкви найдешь: едва ли не в каждом городе иная некая особая изобретается вера, и уже о вере простые мужики и бабы, совершенно пути истинного не знающие, догматизируют и учат, говоря о сложении трех перстов, что крест этот неправый,

и в своем упорстве окаянные стоят, презревши и отвергнуши истинных учителей церковных».

Каков же был уровень понимания веры в среде раскольников и сочувствовавших им, хорошо показывает следующий случай. В один из своих приездов в город Ярославль святитель Димитрий, совершив в воскресный день литургию в соборе, возвращался домой. В это время к нему подошли двое неизвестных людей и обратились к святителю с вопросом: «Владыко святой, как ты повелишь? Велят нам бороды брить, а мы готовы головы наши положить за бороды!»

Дело в том, что в это время вышел указ императора Петра I, повелевавший всем подданным, кроме священнослужителей и монахов, брить бороды: таким образом Петр пытался искоренить в своем народе страх перед всем западным (на Западе, как известно, в те годы бороду было принято брить). Вряд ли этот указ увлекающегося и горячего императора можно назвать разумным, но и ничего опасного или оскорбительного для Православной веры он не содержал — ведь ношение бороды отнюдь не предписано христианину ни Священным Писанием, ни церковными канонами, — это не вопрос веры. Однако невежественные раскольники посчитали, что, сбрив бороду, они уничтожат образ Божий в себе (ведь Бога они наивно представляли себе как сидящего на облаках старика с бородой) и распространили эти истерические слухи в народе.

Святитель Димитрий удивился такому неожиданному вопросу мужиков и в свою очередь спросил:

«Как вы думаете, отрастет ли голова, если у вас снимут ее?»

«Нет», — отвечали те.

«А борода отрастет?» — спросил святитель.

«Борода отрастет», — отвечали они.

«Так пусть же вам лучше отрежут бороду, дождетесь другой!»

Мужики, почесав затылки, согласились, что владыка прав, и разошлись по домам.

Конечно, подобные проявления крайнего невежества не могли не огорчать просвещенного защитника веры Христовой, каким был святитель Димитрий. И он решил по несколько раз в год объезжать свою епархию, чтобы в проповедях обличать закоснелое невежество раскольников и разъяснять пастве суть Православия. Кроме того, он обличал раскол и в письменных сочинениях, дабы его слово дошло туда, куда он сам не мог или не успевал добраться. В частности, о вопросе брадобрития святитель Димитрий составил сочинение «Разсуждение о образе Божии и подобии в человеце», где подробно разъяснял этот вопрос, и разослал это сочинение по всей своей епархии. Им также был составлен обширный трактат «Розыск о Брынской вере», в котором подробно объяснялась и доказывалась неправота раскола, его расхождения с истинным святоотеческим учением. Благодаря трудам святителя Димитрия многие православные христиане были спасены от уклонения в раскол, а многие раскольники, осознав свои заблуждения, возвратились в лоно Святой Православной Церкви.

Для нас же с вами, дорогие братья и сестры, это повод задуматься: а не бываем ли и мы с вами порой похожи на этих раскольников? Да, мы, быть может, не канонизируем ношение бороды и не ценим ее выше собственной головы; но разве не бывает так, что мы

начинаем догматизировать обряд — внешнюю форму Таинств и богослужений, придавать больше значения внешнему действию, чем внутреннему состоянию своему, состоянию своего сердца, тому, чего ждет от нас Сам Господь, когда мы приступаем к Его Таинствам, когда мы молимся Ему? Разве не случается нам, готовясь к Причастию, обращать внимание на то, чтобы вычитать все каноны и молитвы, но при этом продолжать раздражаться на окружающих, которые «мешают молиться», а ради того чтобы успеть вычитать эти каноны — отказываться помочь в чем-нибудь ближним, хотя они действительно нуждаются в помощи? Разве не случается, что мы внешне постимся, едим исключительно растительную пищу, но при этом продолжаем грешить словами и помыслами? Разве не случается, что мы осуждаем зашедших — быть может, впервые в жизни — в храм людей за неподобающий вид и поведение и тем препятствуем их робким попыткам приблизиться к Богу? Задумаемся об этом — чтобы и нам не уподобиться раскольникам-старообрядцам, не впасть в гордыню и заблуждения обрядоверия!

В повседневной жизни святитель Димитрий оставался все так же смиренен, нетребователен и нестяжателен, как и в бытность свою простым иноком. Все свое архиерейское жалованье и все получаемые им лично пожертвования он употреблял на дела милосердия, на помощь вдовам, сиротам, немощным, заботясь о них, как любящий отец. О совершенном нестяжании святителя свидетельствует его завещание, составленное за два года до кончины; по сути это даже не завещание, а своего рода записка для тех, кто после кончины святителя стал бы искать в его келье

каких-либо сбережений, имущества. Святитель заранее предупреждает людей, чтобы не трудились зря: у него ничего нет.

«Судих сею духовною грамотою моею вестно сотворити всякому, иже восхощет по кончине моей взыскивати имения моего келейнаго, во еже бы не трудитися ему вотще, ни истязовати служивших мне Бога ради, да весть мое сокровище и богатство, еже от юности моя не собирах (сие не тщеславяся реку, но да искателям моего по мне имения вестно сотворю). Отнележе бо приях святой иноческий образ и постригохся в Киевском Кирилловском монастыре в осьмнадцатое лето возраста моего, и обещах Божови нищету извольную имети: от того времени даже до приближения моего ко гробу не стяжевах имения и мшелоимства, кроме книг святых, не собирах злата и серебра, не изволях имети излишних одежд, ни каких-либо вещей кроме самых нужд, но нестяжание и нищету иноческую духом и самым делом по возможному соблюсти тщахся, не пекийся о себе, но возлагаяся на Промысл Божий, иже никогда мя остави. Входящая же в рuce мои от благодетелей моих подаяния и яже на начальствах келейный приход, тыи истощевах на мои и на монастырския нужды, идеже бех во игуменех и архимандритех, такожде и во архиерействе сый: не собирах келейных, яже не многи бяху, приходов, но ово на мои потребности та иждивах, ово же на нужды нуждных, идеже Бог повеле. Никтоже убо да трудитися по смерти моей, испытую или взыскуя каковаго либо келейнаго моего собрания: ибо ниже на погребение что оставляю, ни на поминовение, да нищета иноческая наипаче на кончине явится Богу. Верую бо, яко приятнее Ему будет, аще

и едина цата по мне не останет, неже егда бы многое собрание было раздаваемо».

Святитель Димитрий мирно отошел ко Господу 28 октября 1709 года, будучи пятидесяти семи лет от роду. Накануне своей кончины, по-видимому предвидя ее, святитель призвал к себе певчего Савву Яковлева, одного из своих любимых духовных детей, усердного помощника в переписывании сочинений архипастыря. Святитель начал подробно рассказывать Савве о своей жизни, о детстве и юности, о том, как молился Господу и Пречистой Его Матери и всем угодникам, завершив рассказ об этом словами: «И вы, дети, молитесь так же». Потом благословил Савву и, провожая его, поклонился певчому до земли, благодаря его за усердие в переписывании. Видя, что святитель так смиренно и необычно провожает его и так ему низко кланяется, певчий в удивлении и страхе воскликнул: «Мне ли, владыко святой, последнейшему рабу твоему, ты так кланяешься?» На что святитель лишь кротко отвечал: «Благодарю тебя, чадо!»

После этого святитель затворился в своей комнате, как обычно делал, когда желал предаться уединенной молитве. Утром келейники, войдя в его келью, нашли своего архипастыря бездыханным, в коленопреклоненной молитвенной позе. Вся земная жизнь святителя прошла в молитве, и дух свой Богу он также предал на молитве...

Тело святителя было торжественно погребено в Спасо-Яковлевском монастыре, в Зачатьевском соборе, и около сорока трех лет почивало под спудом. Наконец, в сентябре 1752 года, в ходе ремонтных работ, когда разбирали ветхий пол Зачатьевского собора, была открыта гробница святителя. Работники с удивлением

увидели, что облачение, в котором был похоронен святитель Димитрий, осталось нетленным; сами же мощи истлели, но при этом почти совершенно нетленными остались руки святителя, сложенные крестообразно на груди. Господь как бы прославлял Своего верного раба за многолетние труды во славу Его — ведь этими руками были написаны и Четьи-Минеи, и многочисленные душеполезные сочинения, которые и по сей день служат к назиданию православного народа.

В честь обретения мощей святителя Димитрия Ростовского и был установлен нынешний праздник. В наше время мощи святителя почивают в раке в Спасо-Яковлевском монастыре, где возобновилась монашеская жизнь.

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Чему можем мы с вами поучиться у святителя Димитрия? Конечно, его верности Господу и святой Православной вере, его желанию служить Богу и ближним, забвению собственных интересов в этом служении, в его смирении, нестяжании и духовной мудрости. Все это нужно и важно как для служителя Церкви, так и для всякого христианина. Несомненно, прекрасным способом почтить святителя Димитрия будет также усердие в изучении основ веры, Священного Писания и творений святых отцов, в передаче этих знаний своим детям, дабы защитить их и защититься самим от губительного невежества.

Будем же по мере сил подражать в этих богоугодных делах святителю Димитрию, будем просить у Господа укрепления на этом пути, восклицая вместе со всей Церковью:

«Звезду Российскую, от Киева возсиявшую, и чрез Новгород Северский в Ростов достигшую, всю же

страну сию ученьми и чудесы озарившую, ублажим златословеснаго учителя Димитрия: той бо всем вся написа, яже к наставлению, да всех приобретаец, якоже Павел, Христу и спасет правоверием души наша!»

Богу же Единому, во Святой Троице славимому и поклоняемому, подобает всякая честь и поклонение: Отцу и Сыну и Святому Духу всегда, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Слово в день памяти святых благоверных князей Феодора Смоленского и чад его Давида и Константина (19 сентября / 2 октября)	7
Слово в день памяти святых мучеников и исповедников Михаила, князя Черниговского, и боярина его Феодора (20 сентября / 3 октября)	32
Слово на обретение мощей святителя Димитрия Ростовского (21 сентября / 4 октября)	51
Слово на Собор Тульских святых (22 сентября / 5 октября)	76
Слово на Зачатие святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна (23 сентября / 6 октября)	89
Слово в день памяти святителя Иннокентия, митрополита Московского (23 сентября / 6 октября)	107
Слово о преподобном Сергии, игумене Радонежском (25 сентября / 8 октября)	155
Слово на преставление святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября / 9 октября)	263
Слово о кресте патриаршего служения в день памяти святителя Тихона, Патриарха Всероссийского (26 сентября / 9 октября)	275

Слово в день памяти священномученика ПЕТРА, митрополита Крутицкого (27 сентября / 10 октября)	326
Слово в день памяти преподобного ХАРИТОНА Исповедника (28 сентября / 11 октября)	343
Слово о Таинстве Брака в день памяти преподобных Кирилла и Марии, родителей преподобного Сергия Радонежского (28 сентября / 11 октября)	360
Слово на Собор преподобных отцов Киево-Печерских, в Ближних пещерах преподобного Антония почивающих (28 сентября / 11 октября)	425
Слово в день памяти святителя Михаила, первого митрополита Киевского и всея Руси (30 сентября / 13 октября)	439
Слово на Собор Молдавских святых (1/14 октября)	446
Слово на обретение мощей святителей Гурия, архиепископа Казанского, и Варсонофия, епископа Тверского (4/17 октября)	463
Слово на Собор Казанских святых (4/17 октября)	478
Слово в день памяти святителей Петра, Алексия, Ионы, Макария, Филиппа, Иова, Еромогена, Тихона, Петра, Филарета, Иннокентия и Макария, Московских и всея России чудотворцев (5/18 октября)	486

Слово об истории христианства в Средней Азии, в день памяти святого апостола Фомы (6/19 октября)	506
Слово на Собор Вятских святых (8/21 октября)	548
Слово о Божественном посеве, в день памяти святого апостола Иакова Алфеева (9/22 октября)	565
Слово в день памяти преподобного Амвросия Оптинского (10/23 октября)	579
Слово на Собор Волынских святых (10/23 октября)	601
Слово на Собор преподобных Оптинских старцев (11/24 октября)	619
Слово в день памяти святых отцов Седьмого Вселенского Собора (Воскресенье, приходящееся на конец 1-й или начало 2-й декады октября по ст.ст. / воскресенье, приходящееся в период между 19 и 28 октября по н.ст.)	690
Слово в день памяти святителя Афанасия (Сахарова), епископа Ковровского (15/28 октября)	705
Слово в день памяти святого апостола и евангелиста Луки (18/31 октября)	722

